

„Одесский Листок“, гор. Одесса.
1911г. 10 февраля.

Записки.

Памяти В. О. Коммиссаржевской.

Уже годъ минулъ со дня кончины В. О. Коммиссаржевской...

„О жизни вопросъ“ Коммиссаржевская закончила такъ неожиданно, такъ трагически, такъ обидно трагически—на нашей далекой окраинѣ, въ далекомъ Ташкентѣ, покупая туземныя матеріи, артистка заразилась оспой, и въ нѣсколько дней не стало Коммиссаржевской.

Трагическій, обидный, нелѣпый случай!

Извѣстіе о внезапной кончинѣ Коммиссаржевской острой болью отозвалось въ сердцахъ русской театральной публики, и театральная публика всей Россіи долго и искренно оплакивала ея кончину, ибо Коммиссаржевскую за семнадцать лѣтъ ея сценической дѣятельности успѣли узнать повсюду въ Россіи, повсюду полюбили и любили.

„Смерть Коммиссаржевской—несчастье интимное, личное несчастье,—писалъ годъ назадъ одинъ изъ журнальных критиковъ,—для каждаго, кто видѣлъ ее на сценѣ, видѣлъ эту пѣжную, хрупкую фигуру, эти говорящіе о страданіи глаза,—для каждаго кто слышалъ ея какъ-бы надорванный голосъ, идущій изъ глубины души и проникающій въ глубину души. Любить ея сценическаго созданія—значило любить ея самое“.

Внезапная кончина В. О. Коммиссаржевской,—писалъ годъ назадъ другой журнальный критикъ,—стала почти національнымъ горемъ. Ежедневно въ теченіе недѣли столбцы газетъ наполнены были телеграфными извѣстіями о послѣднихъ дняхъ Вѣры Олександровны, объ обстоятельствахъ ея болѣзни и смерти, о слѣдованіи ея останковъ по далекому пути отъ Ташкента къ Петербургу, и возникъ даже споръ между Москвой и Петербургомъ—гдѣ похоронить ее? „Рядомъ съ Чеховымъ“—было желаніемъ многихъ, по духовной близости, невольно установившейся между дорогимъ писателемъ и первой исполнительницей „Чайки“. Едва-ли когда-либо смерть артиста, даже изъ самыхъ выдающихся, вызывала у насъ такое общее, дружное и сердечное соболѣзнованіе, такую интимную печаль.

Минулъ годъ...

Что сдѣлано въ теченіе этого года для свѣтлой памяти незабвенной артистки?

Сказано было много словъ—словъ трогательныхъ и весьма эффектныхъ. Появилось въ печати не мало статей, характеристикъ, воспоминаній.

Но дана-ли обстоятельная, серьезная и солидная характеристика таланта Коммиссаржевской?

Критикъ „Вѣстника Европы“ написалъ о Коммиссаржевской:

— Ей нужны были подмостки, чтобы забиться въ воспоминаніяхъ о своихъ молодыхъ восторгахъ, чтобы выплакать горькія обиды избранной натуры, оскорбляемой грубостью жизни, чтобы возвѣстить о той высшей, побѣдной правдѣ благороднаго духа человѣческаго, которая умиленной, трагической просвѣтленностью покрываетъ ужасъ и смрадъ повседневности. Она не пряталась отъ насъ за создаваемыми ею образами. Наоборотъ—она раскрывала намъ себя въ нихъ. Она, чистая, прекрасная, высокая, позволяла намъ узнавать ее, родниться съ нею, любить ее самое и быть ей благодарными за то, что откровенно, доверчиво обнажавшаяся душа была не только обаятельно человѣчной, но еще и въ полной мѣрѣ современной. И отъ того она была всѣмъ намъ еще ближе еще дороже....

Патетическая тирада! Весьма чувствительная тирада! Но что изъ нея можно извлечь для характеристики сценическаго таланта Коммиссаржевской!...

Критикъ „Современнаго Мира“ написалъ:

— Обаяніе Коммиссаржевской заключалось, главнымъ образомъ, въ ея личности, въ ея вышнихъ данныхъ, съ одной стороны, въ мягкомъ, задушевномъ голосѣ и такъ справедливо прославленномъ выраженіи глазъ, неотразимо привлекательныхъ, съ другой стороны,—и это, конечно, главнымъ образомъ, въ свойствахъ ея натуры, душевныхъ качествахъ, нервности, безпокойной и мятежной душѣ, вѣчно чего-то искавшей, правды, раззѣбается, но своей, новой правды, болѣе по новому слову въ искусствѣ. И этой тоской по-чему-то новому, быть можетъ, не всегда лучшему, но своему, она не только сама по себѣ интересная индивидуальность, но типичный образъ въ цѣломъ погонѣ искателей, симптомъ времени, характерная черта народа, еще не законченнаго, въ нашей новѣйшей литературѣ, да и въ искусствѣ также, а, можетъ быть, и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ науки и общественной жизни.

Опять пышныя фразы, ничего не дающія для характеристики актера!

Въ такомъ родѣ оказались и другія статьи, посвященныя характеристикѣ Коммиссаржевской.

Появилась даже цѣлая книжка, не особен-

но „толстая“, но все-же заключающая въ себѣ 180 страничекъ текста—книжка Н. В. Туркина „Коммиссаржевская въ жизни и на сценѣ“.

И эта книжка также не содержитъ въ себѣ характеристики сценическаго дарованія артистки, которую такъ охотно признавали крупной, выдающейся, исключительной артисткой, ибо книжка г. Туркина составлена, главнымъ образомъ, изъ „случаевъ“ и анекдотовъ, да и то не всегда достоверныхъ, какъ въ свое время заявила объ этомъ мать покойной артистки.

Наиболѣе цѣннымъ изъ всего, что появилось въ теченіе года въ печати о Коммиссаржевской, слѣдуетъ признать, на мой взглядъ, „Отрывки изъ писемъ В. О. Коммиссаржевской“, опубликованные К. В. Браничемъ въ „Русской Мысли“.

Эти отрывки прежде всего говорятъ объ искренности артистки, говорятъ и о томъ, что сама она прекрасно сознавала, что ея сценическій талантъ далеко не такой безпредѣльный, какимъ признавали его наши публика и критика.

Въ одномъ изъ писемъ Коммиссаржевская пишетъ:

— Читаю „Грозу“ и знаю напередъ, что Катерину мнѣ никогда не сыграть. У меня многого нѣтъ для этой роли.. Знаете, что меня мучаетъ: мнѣ кажется, что какъ я начну много играть—буду повторяться.

Въ другомъ письмѣ Коммиссаржевская пишетъ:

— Ужасъ весь въ томъ, что я никогда не сумѣю начертать себѣ путь и идти по немъ. Будь у меня очень большой талантъ (какъ, у Дузе, напр.), тутъ не было-бы большой бѣды, потому что хотя всякій талантъ несетъ съ собою жажду исканія новыхъ и новыхъ путей, но у большого таланта есть сильныя крылья, которыя, если-бы вы при исканіи новыхъ путей попали въ пропасть, не дадутъ упасть, а, пожалуй, еще поднимутъ такъ высоко, какъ вы и не ждете... Я не обладаю исключительнымъ талантомъ и со-всѣмъ не умѣю найти своей дорожки.

И такія заявленія не были излишней скромностью со стороны артистки.

Талантъ Коммиссаржевской, какъ доказывалъ я въ свое время не разъ, не былъ исключительнымъ талантомъ.

Коммиссаржевская обладала прекраснымъ, но не исключительнымъ сценическимъ талантомъ, однако, талантомъ, достаточнымъ для того, чтобы очаровать публику, и публика, очарованная свѣжестью и искренностью таланта артистки, не желала замѣчать того, что сценическіе образы, создаваемые артисткой, хотя и блещутъ мягкостью тоновъ, нѣжностью красокъ, но часто напоминаютъ другъ другу, что артистка не всегда даетъ и детальную разработку душевныхъ настроеній, переживаемыхъ героинями, ея олицетворяемыми.

Коммиссаржевская не обладала исключительнымъ талантомъ, но все-же обладала незауряднымъ талантомъ. И по стремленію къ исканію новыхъ путей въ искусствѣ была личностью также незаурядной.

И вотъ прошелъ уже годъ со дня безвременной кончины незаурядной артистки, всѣмъ близкой и всѣмъ дорогой артистки, а у насъ ничего не сдѣлано для того, чтобы дать обстоятельную, серьезную и солидную характеристику ея незауряднаго сценическаго таланта.

Актерскій жребій—печальный жребій. Послѣ кончины актера отъ художественной работы его не остается никакихъ слѣдовъ.

Неужели этотъ жребій должны раздѣлять и незаурядные актеры?...

И. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ.